

УДК 94.113

doi 10.17072/2219-3111-2024-1-173-180

Ссылка для цитирования: *Колоницкий Б. И.* Траектории актуализации исторического исследования: о книге И. В. Нарского «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.» // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 1(64). С. 173–180.

ТРАЕКТОРИИ АКТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: О КНИГЕ И. В. НАРСКОГО «ЖИЗНЬ В КАТАСТРОФЕ: БУДНИ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В 1917–1922 ГГ.»¹

Б. И. Колоницкий

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

boris_i_kol@mail.ru

ResearcherID: E-7279-2015

Scopus Author ID: 25625139000

Статья посвящена рассмотрению монографического исследования И. В. Нарского, в ней дается характеристика содержанию книги и тому месту, которое она занимает в российской и зарубежной историографии. Высказываются предположения относительно возможностей дальнейшего использования идей автора. В момент своего выхода (2001 г.) монография И. В. Нарского привлекла внимание читателей как богатством используемых источников, выявленных исследователем в архивохранилищах Москвы и городов Урала, так и новой для отечественной историографии методологической рамкой. Автор одним из первых использовал методические приемы и исследовательские подходы такого подхода как история повседневности, разработанного прежде всего немецкими историками. Его умелое применение, сопровождающееся переключением исследовательской перспективы, изменением масштаба описания, позволило исследователю реконструировать различные аспекты жизни и выживания «маленьких людей» в «переломную историческую эпоху», эпоху грандиозной социальной катастрофы. Новаторская во многих отношениях монография И. В. Нарского оказала немалое воздействие не только на российскую, но и на зарубежную историографию. И ныне, в иной общественной и академической ситуации книга сохраняет свое значение и стимулирует новые исследования. Ее используют авторы, ориентирующиеся на другие историографические направления, например на историю эмоций. Наблюдения, выводы и предположения И. В. Нарского могут быть также применены для дальнейшего изучения новых политических элит революционной России, для новых исследований тактик индивидуального и группового выживания в условиях социальной катастрофы, а также для разработки истории политической культуры революционной эпохи.

Ключевые слова: И. В. Нарский, историография русской революции, комитетский класс, история повседневности, население Урала, «жизнь в катастрофе».

Один известный и популярный британский историк, книги которого издаются большими тиражами и переводятся на разные языки, как-то сказал мне: «Хорошая книга обычно живет пять лет». Мой коллега знает о циклах жизни книг, востребованных читателем, гораздо больше меня, и я с уважением отношусь к его оценкам, но судьба некоторых известных мне текстов явно не подтверждает это наблюдение. Монография Игоря Владимировича Нарского, изданная более двадцати лет тому назад, в 2001 г., продолжает жить своей особой жизнью, она востребована и сейчас [*Нарский, 2001*].

Могу предположить, что некоторые аспекты актуализации и реактуализации своего исследования не мог предвидеть и сам автор, который вообще-то скептически относится к обоснованию общественной актуальности исторических исследований, видя в них «момент формальности и неискренности». И у Игоря Владимировича, и у его сверстников был свой опыт проживания внутри катастрофы: он работал над книгой в 1990-е гг., которые одни сейчас вспоминают как «лихие» (в разных значениях этого очень русского слова), а другие – как «золотые». Сам автор

нередко сравнивает прошлое с современностью, находя в весьма различных эпохах общие черты. Но и в первой четверти XXI в. новые непредвиденные обстоятельства вновь и вновь заставляют многих читателей – не одних только историков – обращаться к опыту проживания и выживания «маленьких людей» в больших катастрофах. И эти обстоятельства, увы, также делают книгу актуальной для современного читателя.

Само запоминающееся название книги в этом отношении очень удачно, неудивительно, что оно воспроизводится (порой без указания источника цитирования) в названиях некоторых книг [Деягин, 2020].

Успех книги определяется прежде всего новизной поставленного исследовательского вопроса: в центре внимания автора находятся, как уже отмечалось, тактики выживания «маленького человека» в «переломную историческую эпоху». Жизнь и смерть простых людей во время революции и Гражданской войны давно известны в самых общих чертах благодаря художественной литературе, воспоминаниям современников, а в некоторых семьях сохранялась и память о тех временах. Мои домашние нередко вспоминали слова моего прадеда, умершего незадолго до моего рождения: «Мы попали в щель истории...». Слова эти я часто вспоминал, читая книгу «Жизнь в катастрофе».

Отдельные сюжеты, затрагиваемые в монографии И. В. Нарского, рассматривались и ранее в исторических трудах, прежде всего в исследованиях, посвященных большим социальным группам: привилегированными объектами описания для советской историографии были рабочие и крестьяне, с какого-то времени историки получили возможность писать и об интеллигенции, в этом отношении автор мог опираться на известную исследовательскую традицию. Но только в 1990-е гг. в российской историографии тема жизни «маленького человека» была сформулирована как особая, заслуживающая специального и самостоятельного рассмотрения. Появлялись сборники статей, посвященные этому сюжету, некоторые их авторы были вдохновлены подходами и методами исторической антропологии, перспективным, казалось, применить их к истории революции и Гражданской войны [Революция и человек..., 1996; Революция и человек..., 1997]. Различные аспекты жизни «маленьких людей» рассматривались и рассматриваются в исследованиях общественной психологии и истории повседневности революционной эпохи, среди них я выделил бы прежде всего книгу В. П. Булдакова [Булдаков, 1997; Булдаков, 2010]. В ней, как и в книге И. В. Нарского, затрагивается важная тема архаизации общества в условиях революции и Гражданской войны, хотя каждый автор делает это по-своему. И все же в ряду этих новаторских для своего времени работ книга И. В. Нарского выделяется.

Хорошее знакомство с зарубежной историографией, прежде всего с немецко- и англоязычной, позволило автору уверенно обозначить новую для исследований того времени теоретическую и методологическую рамку. В 1990-е гг. многие российские историки с энтузиазмом открывали для себя неизвестные им ранее интеллектуальные миры: появилась возможность напрямую общаться с иностранными коллегами, учить и учиться в иностранных университетах, работать в зарубежных библиотеках. К тому же сотни важных книг переводились на русский язык.

В этой когорте историков, азартно искавших новые теоретические и методологические подходы, использовавших новые языки описания, И. В. Нарский и его книга выгодно отличались своим ответственным и прагматичным отношением к методологии, автор гостеприимно открывает для любопытного читателя двери своей исследовательской лаборатории, откровенно и терпеливо объясняет ему принципы своей работы. Он не прячется за звонкие имена и модную терминологию. При этом теоретические инструменты «заточены» под проводимое исследование, автор не только демонстрирует свою эрудицию, но и аргументированно обосновывает необходимость использования избранного им инструментария. Такое ответственное отношение к «мастерству историка» можно встретить не у всех поклонников «новых подходов», для некоторых приверженность интеллектуальной моде является самоцелью, метод используется ради... эффектной демонстрации метода. Порой дело обстоит еще хуже: ярлык авторитетных и/или модных подходов наклеивается на незатейливую фактографию, тем самым имитируется методологическая новизна. И. В. Нарский же убедительно показывает соответствие избранной им методологии объекту исследования и используемым им методам, в этом отношении книга очень полезна для моло-

дых исследователей, обдумывающих свои проекты. Автор испытал влияние исторической антропологии и микроистории, но наибольшее значение для него имела история повседневности. Стремление посмотреть на историю через повседневность рядовых людей, желание увидеть большую эпоху в жизни «маленького человека» отличают эту книгу.

И все же И. В. Нарский не является «партийным историком», который «присягает на верность» одному «единственно верному» историографическому направлению. Книга была бы написана совершенно иначе, если бы у ее автора не было большого и разнообразного опыта изучения политической истории начала XX в. Рамка исследований «непролетарских партий», направления, востребованного уже в «эпоху застоя», но получившая новый мощный импульс для своего развития с наступлением «гласности», уже оказалась в это время тесной не для одного только Игоря Владимировича, но значение этого направления было важно и для совершенно новаторских исследований этого времени.

Если социальная история противопоставляла себя традиционной политической истории, то история повседневности (как и некоторые направления микроистории) отталкивалась от «большой социальной истории», которая за обобщенными статистическими показателями не видит порой реальную жизнь людей. При этом, однако, рассматриваемая книга вписывает историю повседневности в «большую историю», история «маленького человека» позволяет дать ответы на вопросы, давно поставленные историографией. В этом проявляется умение видеть в малом большое – умение, присущее лучшим исследователям, изучающим микроисторию.

И в этой, и в иных своих работах [Нарский, 2018] Игорь Владимирович демонстрирует богатейшие возможности, которые дает умелое переключение исследовательской оптики: он мастерски использует «микроскоп», хорошо владея при этом «биноклем» и даже «телескопом». Автор именуется такой подход «сменой исследовательской перспективы». Прежде всего И. В. Нарский описывает «маленького человека» со стороны, используя среди прочего статистику, отражающую политические, экономические и демографические процессы, здесь подход автора близок к социальной истории. Затем он рассматривает ситуацию снизу, реконструируя видение «маленького человека» на различных этапах революции и Гражданской войны. Все это дает возможность посмотреть наконец на ситуацию изнутри, выявляя мотивы и тактики выживания людей. Подобная смена оптики исследования повлияла и на структуру книги, состоящей из трех глав, которая представляется мне не только логичной, но и элегантной. И в этом отношении книга является хорошим образцом.

Впечатляет количество источников, привлеченных автором: наряду с периодическими изданиями, автор широко использует документы, выявленные им в нескольких архивах Москвы, Челябинска, Кирова, Екатеринбурга, Оренбурга, Перми и Уфы. Упорный и целенаправленный поиск источников принес интересные результаты: историк, отлично владеющий навыками архивной эвристики, смог обнаружить в документах поразительные свидетельства страшной эпохи. Читатель книги «Жизнь в катастрофе...» не может не запомнить некоторые эпизоды: нельзя забыть, например, описания некоторых случаев каннибализма. При этом иногда законопослушные граждане испрашивали официальное разрешение властей на поедание трупов... Стремление легализовать трупоедство опиралось на оформленные должным образом решения крестьянского схода. Этот пример «демократического каннибализма» – далеко не единственный пример нечеловеческих условий жизни «в катастрофе», когда архаизация, примитивизация и варваризация жизни могли описываться и оправдываться с помощью «модерной» риторики и современных политических практик.

Исследование И. В. Нарского можно назвать хорошим примером локальной истории, но выводы его книги имеют значение не только для истории Урала: ограничение границами региона позволяет автору сделать конкретные, обоснованные и убедительные наблюдения, касающиеся общероссийских процессов. Такой подход, преодолевающий давний «петроградцентризм» и «москвоцентризм» традиционной политической истории революции и Гражданской войны, присущ и некоторым другим современным работам, посвященным истории Дона (П. Холквист), Поволжья (Д. Рейли, О. Файджес, С. Бэдкок), Вятской губернии (А. Ретиш), Европейского Севера (Л. Новикова) и др. Эти авторы пытались ответить на большие вопросы, касающиеся всей Рос-

сии, обстоятельно изучая какой-то определенный регион, и они работали на стыке социальной и политической истории, используя порой подходы экономической и культурной истории [Retish, Novikova, Badcock, 2015]. Можно говорить об историографическом направлении, потенциал развития которого далеко еще не исчерпан, но и на этом фоне книга И. В. Нарского выделяется и тщательно разработанной методологической рамкой, и богатством привлекаемых источников, и своим особым интересом к «маленьким людям».

«Жизнь в катастрофе...» И. В. Нарского оказала немалое воздействие на современную историографию – отечественную и зарубежную. Так, на эту монографию очень часто ссылаются в своем недавно вышедшем исследовании американский ученый У. Г. Розенберг, привлечший множество новых источников, прежде всего документов, выявленных им в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. Показательно, что американский исследователь одним из первых откликнулся на выход «Жизни в катастрофе...», сопоставляя ее с трудом Д. Рейли [Rosenberg, 2006]. В своей книге У. Г. Розенберг вслед за И. В. Нарским, но используя несколько иную методологическую рамку, продолжает изучение нужды и лишений, утрат и скорби «маленьких людей» эпохи мировой войны, революции и Гражданской войны, связывая их жизнь и смерть с «большой историей» [Rosenberg, 2023]. Исследование Розенберга опирается на традицию изучения социальной истории, которая в этом случае дополняется использованием приемов, разработанных историками эмоций.

Вместе с тем существуют сюжеты, которые требуют дальнейшего анализа, развитие историографии ставит новые исследовательские вопросы. Я нередко думаю о том, как бы Игорь Владимирович написал эту книгу сейчас, в ином общественном и историографическом контексте. Рискну высказать несколько предположений, которые отражают, разумеется, лишь мое собственное видение потенциала развития сюжетов книги (давно было отмечено, что рецензент конструирует автора, а историограф – историка).

В книге И. В. Нарского «маленькие люди» описываются нередко как объекты истории, их действия являют собой ответные реакции на политику власть имущих, нередко они приспосабливаются к действиям и требованиям сменяющих друг друга властей. Соответственно, одной из тактик выживания в катастрофе является конформизм (тему конформизма советских людей разрабатывали в начале XXI в. и иные авторы [Яров, 2006]). Невозможно отрицать, что немалая часть современников применяла разнообразные тактики приспособленчества, стремясь обеспечить себе и своим близким хотя бы относительную и временную безопасность, а также получить доступ к ограниченным и постоянно скудеющим ресурсам. Однако, как утверждают исследователи «советской субъективности», такая мимикрия влияла на мимикрирующих, употребление господствующего политического дискурса в прагматических конкретных целях не проходила бесследно: этот дискурс может интериоризироваться, а субъектность его пользователей, соответственно, меняться. Термин «конформизм» описывает только часть этого сложного и противоречивого процесса, в ходе которого выживание нередко способствовало «советизации».

К этому следует добавить, что восторженный энтузиазм первых месяцев революции, являвшийся эмоциональной основой взрывной политизации немалой части населения, отстраненной ранее от политики, способствовал тому, что энтузиасты политики ощущали себя активными творцами истории, субъектами политического процесса, об этом пишет и Игорь Владимирович, приводя интересные факты². Через несколько месяцев этот энтузиазм пошел на убыль, все больше людей ощущало себя лишь объектом истории, что уже осенью 1917 г. проявлялось в деполитизации, абсентеизме, разочаровании в общественной жизни. Все больше людей концентрировались на выживании себя и своих близких, полагаясь при этом только на себя; на участие в политике просто не хватало времени.

Но активное меньшинство сохраняло пробужденный революцией интерес к политике, помимо всего, это сулило нередко и житейские выгоды. Политическая позиция этой волны активистов становилась все более радикальной и брутальной (тема брутализации и ее причин в эпоху большой мировой войны сейчас интенсивно разрабатывается [Война во время мира..., 2014]). Среди «энтузиастов политики», продолжавших считать себя субъектами истории, особо следует выделить прежде всего представителей т.н. «комитетского класса». Этот термин ввел американ-

ский историк А. Уайльдман, обстоятельно изучавший российскую армию во время Первой мировой войны [Wildman, 1987]. Речь идет о членах разнообразных войсковых комитетов, возникших повсеместно после Февраля, их численность только на фронте достигала нескольких сотен тысяч человек. Если же к ним добавить и депутатов всевозможных Советов и комитетов (политических, профессиональных, национальных), действовавших в тылу, то численность этого «комитетского класса» явно превышала миллион человек.

Эти уже привыкшие к насилию и все более привыкающие к власти довольно молодые мужчины, получавшие доступ к различным ресурсам, готовы были силой, с оружием в руках защищать свой новый политический статус, хотя они придерживались при этом разных политических взглядов. Представителей «комитетского класса» можно встретить среди полевых командиров эпохи Гражданской войны, которые сражались на стороне самых разных политических и национальных сил, боровшихся друг с другом, – без вчерашних комитетчиков невозможно, например, представить явление «атаманщины». Но особенно много представителей этого «комитетского класса» было среди командиров Красной армии и советских активистов разного уровня. Для них «жизнь в катастрофе» была совсем иной: это был опасный и непредсказуемый взлет в скоростном социальном лифте. Для одних Гражданская война сопровождалась лишь потерями и утратами, но немало людей делали в это время карьеру, получали доступ к новым ресурсам, что позволяло выживать порой не только им, но и тем социальным группам, к которым они принадлежали: семьям, односельчанам, землякам, своим этническим и даже религиозным сообществам. Эти ресурсы изымались у других семей, сел, общин.

В своей книге И. В. Нарский сочувственно цитирует Н. А. Бердяева, который фиксировал появление новой породы людей в эпоху Гражданской войны: «В русской революции победил новый антропологический тип. Произошел подбор биологически сильнейших, и они выдвинулись в первые ряды жизни. Появился молодой человек в френче, гладко выбритый, военного типа, очень энергичный, дельный, одержимый к власти и проталкивающийся в первые ряды жизни, в большинстве случаев наглый и беззастенчивый. Его можно повсюду узнать, он повсюду господствует» [Нарский, 2001, с. 561; Бердяев, 2002, с. 278³].

Брутальные «мужчины в френчах», представители новой породы русских людей, сформированной жестокой войной, встречаются и на других страницах книги Бердяева. Очевидно, что этот новый «антропологический тип» представлял для него особый интерес. Дальнейшее изучение этой группы, поставивший кадры и для первого поколения советской номенклатуры, и для противников большевиков, представляет немалый научный интерес.

Можно, однако, предположить, что отношения между «маленькими людьми» и «новыми русскими», облаченными в армейские френчи, не сводились только к отношениям власти – подчинения. Об этом, собственно, пишет Бердяев в той же статье: «В первые ряды жизни выдвигается новый слой, прошедший школу на войне, жадный к жизни, завистливый и злобный, перенесший все приемы войны в управление страной, продолжающий войну во имя других целей внутри страны. Стиль советской власти – военный стиль. Это – военный стиль. Но это менее всего означает, что завоеватели эти чужды состоянию самого народа. Народ и выдвинул их в момент своего падения и кровавого разложения» [Бердяев, 2002, с. 266].

Новый «антропологический тип» был в известной степени и порождением народа. Однако ситуация в это время никак не была стабильной: с одной стороны, представители «комитетского класса» могли оттесняться от власти, и они пополняли ряды «маленьких людей», отчасти повторяя путь «бывших людей»; с другой стороны, доступ в ряды «комитетского класса» не был закрыт, и немало «маленьких людей», обладавших необходимыми качествами, постоянно пополняли его ряды, решая при этом свои житейские проблемы.

Включение в исследование перспективы «комитетского класса» позволило бы развить и еще один очень важный тезис И. В. Нарского: он совершенно справедливо пишет об атомизации, распылении общества, старые сообщества рассыпались, ломались, наблюдалось преобладание индивидуальных тактик выживания в условиях катастрофы. Это наблюдение представляется весьма верным, но разве в это время не появляются и сообщества выживания, временные и относительно устойчивые объединения для выживания? Игорь Владимирович сам пишет, например, о

разных видах преступлений, а также о всевозможных деяниях, которые криминализировались различными властями, описывались как преступные.

Катастрофы затрагивали всех, но опыт проживания в условиях катастрофы был различным. У ужасного времени – как и у всяких войн – были свои «бенефициары», немало «маленьких людей», которых современники именовали «мародерами тыла», «спекулянтами» и «мешочниками», улучшали свое материальное положение и повышали свой социальный статус подобно представителям «комитетского класса». Другие решали свои проблемы, делая политическую и военную карьеру. Иногда же эти тактики переплетались: одна и та же группа вооруженных мужчин могла в зависимости от ситуации описываться как банда, как группа мешочников, как продовольственный отряд. В различных случаях тактики выживания требовали не только индивидуальных, но и коллективных усилий.

И в некоторых случаях представители «комитетского класса», становившегося «новым классом» Советской России, включались, исходя из своих интересов, в сообщества выживания, становились важными звеньями сетей выживания. Они выстраивали неформальные сети, становясь патронами для групп клиентов, а иногда и небезуспешно вступали в торг с местными и центральными властями, требуя преимуществ для тех территорий и/или социальных групп, которые являлись их базой политической поддержки [Хазиев, 2021].

Представляется, что и современные работы по истории культуры дают некоторые возможности для изучения повседневности в эпоху катастрофы. Одна из главных задач книги И. В. Нарского, открыто формулируемая автором, заключалась в «дегероизации» эпохи революции и Гражданской войны: традиционно мемуаристы разных убеждений и историки разных взглядов уделяли наибольшее внимание «своим» героям и «чужим» злодеям.

Изучение трагической истории «маленьких людей» позволяет уйти от этой схемы героизации, восходящей к пропаганде той поры. Исследования культурной истории позволяют иначе посмотреть на этот вопрос: для деконструкции героизма бесполезно лучше понять процессы героизации, описать и интерпретировать конструирование героизма (тема конструирования затрагивается в рассматриваемой книге). Весьма вероятно, что выдвигание «своих» героев, прославление их и использование их авторитета могло быть одной из тактик выживания «героев» и «героизирующих» в эпоху катастрофы, некоторые современные исследования исторической антропологии позволяют предположить, что история повседневности применима и в этом отношении [Морозова, 2012].

Подобный список пожеланий и предложений к плану переиздания книги, плану, о котором ее автор, быть может, и не помышляет, является, разумеется, произвольным и отражает прежде всего мои исследовательские интересы, хотя смею предположить, что и другим читателям книги Игоря Владимировича было бы важно узнать его мнение. В данном же случае важнее само желание задавать вопросы: неудовлетворенное любопытство читателя, ждущего продолжения, является заслуженным комплиментом автору.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Европейском университете в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

² Энтузиазм этот мог иметь и экономическое проявление: в некоторых городах после получения вестей о победе Февральской революции наблюдалось снижение рыночных цен на продовольствие [Нарский, 2001, с. 186]. Изучение энтузиазма – и иных важных эмоций эпохи войн и революций – является актуальной научной задачей, и в этом отношении подобные индикаторы эмоций приобретают особый интерес.

³ Я цитирую Бердяева по изданию 2002 г., И. В. Нарский пользовался более ранним изданием.

Библиографический список

Бердяев Н.А. Размышления о русской революции // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. 448 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.

- Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 965 с.
- Война во время мира: военизированные конфликты после Первой мировой войны, 1917–1923 / ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 400 с.
- Делягин М.Г.* Жизнь в катастрофе, победы кризис сам! М.: Книжный мир: Политиздат, 2020. 507 с.
- Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 560 с.
- Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.
- Нарский И.В.* Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 751 с.
- Революция и человек: социально-психологический аспект. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996. 223 с.
- Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 221 с.
- Хазиев Р.А.* Зигзаги альтернативной экономики на Урале в годы командного администрирования и нэпа: черный рынок – легальная коммерция «красных нуворишей». Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 154 с.
- Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2006. 569 с.
- Retish A.B., Novikova L.G., Badcock S.* Introduction: A Kaleidoscope of Revolutions // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 1: Russia's Revolution in Regional Perspective / ed. S.P. Badcock, L.G. Novikova, A.B. Retish. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2015. P. 1–15.
- Rosenberg W.G.* Zhizn v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg, and: Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922 (review) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7, no. 2. P. 359–370.
- Rosenberg W.G.* States of Anxiety: Scarcity and Loss in Revolutionary Russia. New York: Oxford University Press, 2023. 585 p.
- Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987. 468 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.02.2024

**TRAJECTORIES OF ACTUALIZATION
OF HISTORICAL RESEARCH: ABOUT THE BOOK
“LIFE IN A CATASTROPHE: EVERYDAY LIFE
OF THE POPULATION OF THE URALS IN 1917–1922”
BY I.V. NARSKII¹**

B. I. Kolonitskii

European University in St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1, 191187, St. Petersburg, Russia;
St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 197110,
St. Petersburg, Russia
boris_i_kol@mail.ru
ResearcherID: E-7279-2015
Scopus Author ID: 25625139000

The article is devoted to the consideration of the monographic research of I.V. Narskii, describing the content of the book and its place in both Russian and foreign historiography. Suggestions are made regarding the possibilities for further use of the author's ideas. Published in 2001, Narskii's monograph garnered attention for its extensive use of sources from archives in Moscow and the Urals, as well as its innovative methodological framework. Narskii was among the first to employ the history of everyday life approach, which was primarily developed by German historians. Skillful application of this approach, accompanied by a switch in research perspective and a change in the scale of description, allowed the researcher to re-construct various aspects of the life and survival of “little people” in a “turning point in history,” an era of enormous social catastrophe. Innovative

in many respects, the monograph has had a significant impact not only on Russian, but also on foreign historiography. Now, in a different social and academic situation, the book remains relevant and stimulates new research. Other authors have used it as a reference for different historiographical directions, such as the history of emotions. Narskii's observations, conclusions and assumptions can also be applied to the study of the new political elites of revolutionary Russia, the tactics of individual and group survival during times of social catastrophe, and the history of political culture of the revolutionary era.

Key words: I.V. Narskii, historiography of the Russian revolution, “committee class”, everyday life, population of the Urals, “life in a catastrophe”.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 20-18-00369-P “Processes of legitimization of violence: cultures of conflict in Russia and the escalation of the Civil War”.

References

- Berdyaev, N.A. (2002), “Reflections on the Russian Revolution”, in Berdyaev, N.A., *Smysl istorii. Novoe srednevekoye* [The meaning of the history. New Middle Ages], Kanon +, Moscow, Russia, 448 p.
- Buldakov, V.P. (1997), *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence], ROSSPEN, Moscow, Russia, 376 p.
- Buldakov, V.P. (2010), *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence], ROSSPEN, Moscow, Russia, 965 p.
- Delyagin, M.G. (2020), *Zhizn' v katastrofe, pobedi krizis sam!* [Life in a catastrophe, overcome the crisis yourself!], Knizhnyy mir: Politizdat, Moscow, Russia, 507 p.
- Gervart, R. & D. Khorn (eds.) (2014), *Voyna vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoy mirovoy voyny, 1917–1923* [War in a Time of Peace: Paramilitary Conflicts after the First World War, 1917–1923], Novoe literatnoe obozrenie, Moscow, Russia, 400 p.
- Haziev, R.A. (2021), *Zigzagi alternativnoy ekonomiki na Urale v gody komandnogo administrirovaniya i NEPa: Chernyy rynek – legalnaya komertsiya “krasnykh nuvorishey”* [Zigzags of the alternative economy in the Urals during the years of command administration and NEP: The black market is the legal commerce of the “red nouveau riche”], RITsz BashGU, Ufa, Russia, 154 p.
- Morozova, O.M. (2012), *Antropologiya grazhdanskoj vojny* [Anthropology of the Civil War], Izdatelstvo YuNTsz RAN, Rostov-on-Don, Russia, 560 p.
- Narskii, I.V. (2001), *Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a catastrophe Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922], ROSSPEN, Moscow, Russia, 613 p.
- Narskii, I.V. (2018), *Kak partiya narod tantsevat' uchila, kak baletmeystery ey pomogali, i chto iz etogo vyshlo: Kulturnaya istoriya sovetskoy tantsevalnoj samodiyatel'nosti* [How the party taught people to dance, how choreographers helped it, and what came of it: Cultural history of Soviet amateur dance performances], Novoe literatnoe obozrenie, Moscow, Russia, 751 p.
- Retish, A.B., Novikova, L.G. & S. Badcock (2015), “Introduction: A Kaleidoscope of Revolutions”, in Badcock, S., Novikova, L.G. & A.B. Retish (eds.), *Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22, book 1: Russia's Revolution in Regional Perspective*, Slavica Publishers, Bloomington, Indiana, USA, pp. 1–15.
- Revolutsiya i chelovek: Byt, nravy, povedenie, moral'* [Revolution and man: Life, customs, behavior, morality], Institut rossiyskoj istorii RAN, Moscow, Russia, 221 p.
- Revolutsiya i chelovek: Sotsialno-psihologicheskij aspekt* [Revolution and a man: Socio-psychological aspect], Institut rossiyskoj istorii RAN, Moscow, Russia, 223 p.
- Rosenberg, W.G. (2006), “Life in a catastrophe Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922, and: Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922 (review)”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 7, № 2, pp. 359–370.
- Rosenberg, W.G. (2023), *States of Anxiety: Scarcity and Loss in Revolutionary Russia*, Oxford University Press, New York, USA, 585 p.
- Wildman, A.K. (1987), *The End of the Russian Imperial Army, vol. 2: The Road to Soviet Power and Peace*, Princeton University Press, Princeton, NJ, USA, 468 p.
- Yarov, S.V. (2006), *Konformizm v Sovetskoy Rossii: Petrograd 1917–1920-h godov* [Conformism in Soviet Russia: Petrograd, 1917–1920s], Evropejskiy Dom, St. Petersburg, Russia, 569 p.